

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИЙ ЗОБНИН: МАГИЯ СЛОВА, МАГИЯ ТАЛАНТА (А. С. Запесоцкий)	4
--	---

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ — ПОЭТ ПРАВОСЛАВИЯ	9
---	---

<i>Вместо предисловия</i>	11
-------------------------------------	----

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	25
-------------------------------	----

<i>Глава I. Persona non grata</i>	25
---	----

<i>Глава II. Его читатели</i>	45
---	----

<i>Глава III. Поэт в России</i>	65
---	----

ЧАСТЬ ВТОРАЯ	116
-------------------------------	-----

<i>Глава IV. Человек, крестящийся на церкви</i>	116
---	-----

<i>Глава V. Потомок Адама</i>	179
---	-----

<i>Глава VI. Сфинкс без загадки</i>	247
---	-----

<i>Глава VII. На грани истории</i>	335
--	-----

<i>Глава VIII. Жизнь настоящая</i>	417
--	-----

ПОЭЗИЯ БЕЛОЙ ЭМИГРАЦИИ: «НЕЗАМЕЧЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ»	461
---	-----

<i>Глава I. Невозможность поэзии</i>	463
--	-----

<i>Глава II. «Отцы» и «дети» в литературе зарубежья</i>	467
---	-----

<i>Глава III. Обанкротившиеся пророки, или Как умирал Серебряный век</i>	474
--	-----

<i>Глава IV. От поэзии Серебряного века к поэзии «незамеченного поколения»</i>	486
--	-----

<i>Глава V. «Парижская нота»</i>	506
--	-----

<i>Глава VI. «Звук дребезжащей струны...»</i>	529
---	-----

<i>Глава VII. Вокруг «Парижской ноты»: поэты «Перекрестка»</i>	565
--	-----

<i>Глава VIII. От формизма к «формизму»</i>	582
---	-----

<i>Глава IX. Поздние гости</i>	628
--	-----

<i>Примечания</i>	662
-----------------------------	-----

<i>Приложение. Феномен русской эмиграции XX века в свете теории этногенеза Л. Н. Гумилева (Предварительные заметки)</i>	712
---	-----

ЮРИЙ ЗОБНИН: МАГИЯ СЛОВА, МАГИЯ ТАЛАНТА

I. Об авторе

Автор данной книги профессор Юрий Владимирович Зобнин первые годы работы в нашем Университете не выглядел намного старше своих студентов. Он пришел в Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов из Пушкинского Дома. Рекомендации Дмитрия Сергеевича Лихачева было достаточно для того, чтобы мы назначили его заведующим кафедрой в 26 лет. И не ошиблись.

Зобнин останется в истории науки как замечательный петербургский филолог, специалист по культуре Серебряного века, автор целого ряда монографий, посвященных Н. Гумилеву, Д. Мережковскому, А. Ахматовой, поэтам русской эмиграции, а также ярких статей о М. Горьком, Л. Андрееве, Вяч. Иванове, Б. Зайцеве и других писателях и поэтах XIX–XX веков.

Родился Юрий 25 июня 1966 года в семье коренных петербуржцев. В 1988 году окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета. Творческий путь Зобнина начался рано. Еще в студенческие годы он опубликовал ряд работ, посвященных творчеству авторов Серебряного века, в том числе Николая Гумилева, страстное увлечение которым пронес через всю жизнь. В период перестройки он активно участвовал в процессе реабилитации имени Гумилева, фактически был одним из первооткрывателей его творческого наследия, полностью запрещенного в советское время. Принимал непосредственное участие в передаче в Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом) архива П. Н. Лукницкого — биографа Гумилева и Ахматовой — и провел большую работу по его изучению.

В 1988 году Юрий Владимирович стал аспирантом Института русской литературы РАН, в 1992-м защитил первую в России диссертацию о творчестве Гумилева. В 2001 году была защищена и докторская диссертация «Творчество Н. С. Гумилева и православие». Под редакцией Ю. Зобнина вышли восемь томов Полного собрания сочинений поэта.

Уже в молодые годы он был личностью яркой, быстро приобрел известность в кругу литературоведов. На фоне сверстников выделялся энциклопедической образованностью, умением строить интересные концепции и не в последнюю очередь — замечательным лекторским талантом. Аплодисменты восторженной аудитории по окончании его лекции были у нас обычным делом.

Учителями Зобнина стали знаменитые ленинградские профессора — Г. А. Бялый, Г. П. Макогоненко, В. М. Маркович, он взял у них все самое лучшее: блестящее научное оснащение, концептуальность, четкую логику изложения, увлекательность, когда каждая лекция содержала в себе постепенно открываемую тайну. Юрий Владимирович заведовал кафедрой литературы

в СПбГУП на протяжении 17 лет и был необычайно популярен у студентов. Его лекции имели целью не просто «обучение умениям и навыкам», но неустанный просветительство в самом высоком смысле. Зобнин со страстью передавал культуру молодежи, в наш приземленный, прагматичный век убеждал в необходимости прикосновения к лучшим ее образцам, поселял в душах студентов некое творящее личное беспокойство. Человек пишущий, Юрий Владимирович постоянно знакомил молодежь со своими научными находками, в определенном смысле делая их соратниками, соучастниками научного процесса.

Научно-педагогическая работа Зобнина получила международное признание. В 2002 и 2004 годах он читал лекционные курсы и вел исследовательские программы по русскому Серебряному веку у наших партнеров — в Университете Бристоля (Великобритания), принимал на своей кафедре в СПбГУП группы английских студентов, приехавших на филологическую практику.

Под эгидой Гуманитарного университета профсоюзов Ю. В. Зобнин провел две авторитетные международные Гумилевские конференции филологов-славистов, собравшие лучшие научные силы, материалы были опубликованы в соответствующих сборниках (1996 и 2006 гг.).

В последние годы жизни Юрий Зобнин писал особенно много. Он предпринял фундаментальное исследование поэзии русской белой эмиграции, вышедшее отдельной монографией и ставшее главой замечательного учебника, много занимался творческим наследием Вяч. Иванова, выпустил почти одновременно научно-популярные монографии, посвященные судьбе Гумилева и ранним годам жизни Ахматовой («Ранние годы царскосельской музыки»), где творческие судьбы поэтов даны в широком социально-политическом и культурном контексте эпохи. Планировалось продолжение издания творческой биографии Ахматовой, впереди было воплощение множества блестящих идей. Но внезапная смерть настигла Юрия Владимировича в 50 лет, 13 июля 2016 года.

II. О книге

Издание книги приурочено к 135-летию со дня рождения Николая Гумилева. Предлагаемые читателю в этой книге две работы профессора Зобнина — «Николай Гумилев — поэт православия» и «Поэзия белой эмиграции: „Незамеченное поколение“» — казалось бы, посвящены разным явлениям в русской литературе. Однако между Гумилевым и поэтами-эмигрантами существовала прямая связь: Георгий Адамович, Георгий Иванов, Ирина Одоевцева, Николай Оцуп были его учениками, творчество других поэтов развивалось под явным влиянием Гумилева. Но главное, что всех их объединяет, — это тема России.

Николай Гумилев отказался уехать в эмиграцию, разорвать связь с Россией и мужественно принял свою трагическую участь на родине. Поэты белой эмиграции попытались создать в изгнании, пользуясь термином Льва Гумилева, свой «субэтнос», который должен был донести до грядущих поколений

обаяние и тайну навсегда исчезнувшей старой России. Конечно, эта попытка не удалась: для их России на Западе просто не оказалось места.

Но эмигранты первой волны создали свою, совершенно независимую от советской, оригинальную культуру, имеющую мировое влияние. Это был полноценный литературный процесс, выдвинувший такие признанные в мировой литературе фигуры, как лауреат Нобелевской премии Бунин, как Набоков и Газданов, как поэты «Парижской ноты».

«Николай Гумилев — поэт православия» — необычный труд. Изданный нами в 2000 году отдельной книгой, он стал библиографической редкостью. Его стиль, на первый взгляд, далек от научного: автор рассказывает о своих детских и юношеских впечатлениях, о дороге к Гумилеву, чье имя долгие годы в стране было запрещено даже упоминать. Но эти свидетельства ученого представляют большую культурологическую ценность.

Описание многочисленных механизмов проникновения запрещенной поэзии в массы выявляет невозможность и ненужность культурных запретов. Даже советская, достаточно жесткая цензура оказалась не в силах уничтожить Гумилева — его стихи упоминали в детских книжках, переписывали от руки, читали и пели на студенческих вечеринках. Размышления о читателях Гумилева имеют и историко-филологическую ценность: они повествуют об отборе и бытовании запрещенных текстов в устной традиции. Глава «Поэт в России» рассматривает широкий спектр мифов о Гумилеве, легенд, связанных с его гибелью и даже с посмертной судьбой, в которых поэт становится культовой фигурой. Ученый приходит к выводу, что этот феномен нельзя объяснить лишь особенностями биографии, поэтическим мастерством, экзотической тематикой. Так уж случилось, что для российского читателя поэт всегда был духовным пастырем, проповедником, пророком и мучеником, и судьба Гумилева как нельзя лучше отвечала этой миссии.

Во второй части работы предприняты важные исследования в области поэтики Гумилева, имеющие новаторский и фундаментальный характер. Христианские, православные мотивы в творчестве поэта при его жизни, в критике Серебряного века, не просто не привлекали к себе особого внимания. В советском литературоведении отсутствовало само имя опального поэта. Юрий Зобнин заново осмысливает, выявляет сущность пропагандируемого Гумилевым акмеизма и его связь с миром христианских идей, с христианским искусством, в том числе с живописью Андрея Рублева. Ученый совершает ряд текстологических открытий, дает блестящий комментарий к таким стихотворениям, как «Заблудившийся трамвай», «Открытие Америки», «Падуанский собор», «Адам», «Потомки Каина», «На путях зеленых и земных...», «Душа и тело», и многим другим.

Юрий Владимирович привлекает здесь широкий богословский материал, он умеет тонко анализировать текст, ему свойственно чувство стиха, умение проникнуть в разные смысловые пласты, — и выходит на особый уровень научного обобщения. Вывод, к которому приходит исследователь, заслуживает

пристального внимания: «Мировоззрение Гумилева <...> иерархично в своем устройении». «Организирующим центром гумилевского мировоззрения (и, следовательно, организующим центром тематического репертуара его творчества) является православный храм, увенчанный крестом, то есть те истины и ценности, которые присущи Гумилеву как православному христианину, а периферией — все многообразие его жизненных впечатлений, переживаний, интересов и т. п., подчас весьма далекое, а иногда и прямо конфликтующее с воцерковленным строем мысли и чувства». «Духовный и творческий облик Гумилева — человека, художника и мыслителя — не исчерпывается его православностью, но организуется ею»¹.

Мне думается, что если в этом зобнинском тезисе делать акцент не на религиозном, а на ценностном аспекте православия, его культурной сущности, то методологическое значение вывода ученого становится бесценным. С другой стороны, этот вывод открывает большой простор и для раздумий о роли веры в художественном творчестве.

Труд «Поэзия белой эмиграции», изданный нами в 2010 году, посвящен поэтам первой волны русской эмиграции XX века, представители которой жили в Праге, Берлине, Париже, Белграде, Софии, Таллине, Хельсинки. Их называли «незамеченным поколением», но они выдвинули целый ряд блестящих поэтов. В книге рассказывается как о старшем поколении — В. Ф. Ходасевиче, Г. В. Адамовиче, так и о младших — Б. Ю. Поплавском, Л. Д. Червинской, А. С. Присмановой, А. П. Ладинском, В. Л. Корвин-Пиотровском и многих других. Расцвет их творчества пришелся на двадцатилетие между двумя мировыми войнами. Яркое описание эмигрантский литературный быт, журналы, группировки, литературные споры и тщетные надежды на возвращение в Россию.

В завершение своей монографии о поэзии белой эмиграции Зобнин высказал мысль, оказавшуюся актуальной в наши дни, когда вопрос о культурной самостоятельности, о собственном цивилизационном выборе нынешней России стоит необычайно остро (хотя лично для меня — и весьма спорно): «В том диалоге культур, который велся в XX столетии, „от имени России“ внятно говорила только белая эмиграция, эмиграция первой волны, исповедовавшая культурную преемственность и сумевшая создать „форму диалога“ — собственное искусство <...> Советский Союз, также создавший великое искусство и культуру <...> идее преемственности противопоставлял идею футуристического интернационализма и, особенно в довоенный период, видел в России как таковой нечто, что нужно „преодолеть“. А две другие волны русской эмиграции оказались попросту „безгласны“ — своего собственного искусства они не создали. И как знать, сумеет ли нынешняя 150-миллионная Россия, которая выбирает между пристрастиями к уже построенным „внешним“ европейским культурным моделям и желанием создать собственную культуру,

¹ Зобнин Ю. В. Н. Гумилев — поэт православия. СПб. : СПбГУП, 2000. С. 362.

проявить такую же страстную волю к самостоятью, какую проявила неизмеримо этнически немощная, обреченная историей белая эмиграция?..»¹

Книга «Николай Гумилев и поэты русской эмиграции» публикуется по инициативе супруги профессора Антонины Михайловны Зобниной. Отдавая этим изданием должное памяти нашего блистательного коллеги, мы с теплотой думаем и о Юрии Владимировиче как о светлом человеке, и о том незабываемом высоком воздействии, которое оказал педагог Зобнин на тысячи своих учеников — выпускников нашего Университета.

Остается порадоваться за читателя, которому предстоит прочувствовать магию слова талантливейшего ученого, влюбленного в предмет своего исследования.

А. С. Запесоцкий,

*член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук,
профессор, ректор СПбГУП*

---

¹ Зобнин Ю. В. Поэзия белой эмиграции: «Незамеченное поколение». СПб. : СПбГУП, 2010. С. 200.